

Л 2017

4608к

ЗЕЛЁНАЯ ЧАШКА, КРАСНЫЕ БОТИНКИ

Ольга
Григорьева

Ольга Григорьева

**ЗЕЛЁНАЯ ЧАШКА,
КРАСНЫЕ БОТИНКИ**

Эссе

Павлодар
2017

УДК 821 (574)

ББК 84 Рус-5

Г 83

Григорьева О.Н.

Г 83 Зелёная чашка, красные ботинки. Эссе. – Павлодар:
ТОО «Дом печати», 2017. – 48 с.

ISBN 978-601-7844-23-3

В книгу поэта, лауреата Международной премии им. Марины Цветаевой Ольги Григорьевой вошли её эссе и короткие биографические рассказы, написанные в разные годы. Для широкого круга читателей.

УДК 821 (574)

ББК 84 Рус-5

ISBN 978-601-7844-23-3

© Григорьева О., 2017.

© Павлодар, ТОО «Дом печати», 2017.

КОЛОДЕЦ ПАМЯТИ

Апрель

Роюсь в глубинах памяти, всматриваюсь в этот бездонный колодец. Что там блеснёт? Какое оно, самое первое воспоминание моей жизни, самый первый осознанный миг бытия?

Сколько мне лет – три, четыре, пять? Я в детстве часто болела. И вот после очередной болезни меня посадили на стульчике на солнечную сторону улицы, противоположную от нашего дома. Весна, видимо, конец апреля. На улице ещё грязь, а здесь, возле какого-то столба, небольшое возвышение и сухая земля. Я не помню, чтобы я шла пешком. Собственно, я и не могла идти, потому что сижу я в валенках, тёплой шапке и зимнем пальто. Видимо, через дорогу меня перенёс отец. Я не помню в этот миг ни отца, ни маму. Помню, как приятно грело солнце, всё вокруг было ярким, слепящим после болезненного забвения. По лужам носились мальчишки в высоких резиновых сапогах. Может, они меня и дразнили, а может и нет – слишком «мелкой» я ещё была для их внимания...

Солнце, брызги, наш дом с ярко-синими ставнями... Тогда пришло это ощущение, не слово, а именно ощущение: живу!

У ночного окна

Многие детские воспоминания связаны с болезнями и больницами. Чувство одиночества, покинутости... Какая-то большая палата, кроватей много, но я лежу одна. Вечер или ночь, света в палате уже нет, я подхожу к окну, смотрю на ночную улицу. Вереница огней уходит вдаль. Огни по-

чему-то размываются, мигают. Наверное, плачу... Как всегда, одна нянечка была добрая, остальные «злые». В больнице выдавали больничные байковые платъица, и когда дежурила добрая, она пересматривала пачку сложенных платъев и вытягивала мне самое красивое. А «злые» молча выдавали то, которое лежало сверху. Судя по тому, что переодевали меня несколько раз, лежала я долго. Потом разрешили свидание. Я помню, что мама кинулась ко мне, стала целовать, а я как-то даже отстранилась – я от неё отвыкла...

Отчий дом

Для меня это понятие не абстрактное или условное (как, к примеру, называют «отчим домом» квартиру в городе). Мой отчий дом – это, действительно, дом отца, дом, построенный его руками. Когда родители жили в бараке, на новосибирском заводе имени Чкалова (авиационный завод) рабочим стали выдавать земельные участки и ссуды на строительство. Отец начал строить свой дом. Есть замечательная фотография, где они втроём – мать, отец и моя старшая сестра, беззубая Ленка, сидят среди стропил и опилок. Родители молодые, красивые и счастливые. Отец всё делал своими руками, на доме и надорвался (плюс «букет» заболеваний, привезённый с фронта), и болел потом всю жизнь. В этом доме по улице Коломенская, 28, я и родилась – то есть сюда меня привезли из роддома.

По рассказу матери, схватки начались у неё 24 апреля. На окраине Новосибирска была страшная грязь, и пока мать (сопровождала её соседка Оня) шла по весенним улицам, это апрельское месиво не раз заливалось внутрь её резиновых сапог. Они дошли «до ближайшего телефона», который был в пожарной части. Но ждать «скорую» было рискованно, и мать повезли в роддом на пожарной

машине! Вот с каким комфортом и скоростью доехали мы с мамой в пункт назначения!

Нянечка, которая принимала рожениц в приёмном отделении, взглянув на мамины ноги, ахнула: «Где ж ты, матушка, так уделалась!» – и повела мать под душ.

Вот так, из этой смеси новосибирской грязи, апрельского солнца, людской доброты и материнской любви и явилась я на белый свет. По словам матери, нянечки в роддоме меня любили – за то, что не плакала – и ласково звали «тридцаточка», такой номер был у моей кровати.

Белые мухи

В детском саду был тихий час. После обеда мы спали на раскладушках, расставляемых на том месте, где ранее на ковре играли. Отдельной спальной комнаты в нашей группе почему-то не было. До обеда в этот день, как положено, нас вывели на прогулку. Прогулка оказалась какой-то нерадостной: тёмное небо, ноябрьский ветер и голая земля не располагали к играм. А когда, пообедав, мы уже устроились на своих раскладушках, пошёл снег. Хлопьями, крупный, медленный. «Белые мухи полетели», – задумчиво сказала нянечка. «Почему белые мухи?» – думала я, глядя в окно (моя раскладушка была крайней). Снег да снег... Но потом, присмотревшись, увидела, что не все снежинки летят вниз, как положено, а некоторые перед окном поднимаются вверх, потом влетают в форточку и опускаются между рамами: «Снежинки ведь не могут так летать! – думала я. – Наверное, есть и правда какие-то большие белые мухи, которые прилетают вместе со снегом! Вот закончится тихий час, посмотрю, наверное, много их между стёкол нападает!»... Долго ещё, пока сон не сморил, наблюдала я за танцем белых мух, всё больше убеждаясь, что так летать могут только живые существа.

После тихого часа, не одевшись, я подбежала к окну. Увы, никаких мух между рамами не было. Зато весь детсадовский двор был укрыт пушистым слоем снега. «Правильно, – подумала я. – Чего бы мухи лежали тут. Они ведь живые. Погрелись немного и вылетели...».

Зелёная чашка, красные ботинки

Сестра любит рассказывать историю о том, какой «чистой» я была в детстве. Лет в пять мне купили новые красные лакированные ботиночки. Я вышла в них на улицу. Тут подбежала кошка и лизнула их! Успокаивали меня долго... Но плакала-то я не из-за того, что ботинки стали грязными. Они, в принципе, и не замарались. Я плакала от впервые осознанного чувства б е з в с з в р а т н о с т и. Ботинки были новыми, первый раз надетыми. Этот первый раз не повторится никогда. Это было страшно. Над этим раньше не думалось. Мысль вспыхнула, поразила, а потом почти забылась. Но красные ботинки я больше не любила.

Таким же потрясением была чашка. Нежно-зелёная, почти салатная, с крупными белыми горошинами (это сочетание, где бы потом ни встречалось, всегда было связано с детством). Таких чашек в доме было несколько. Чашку уронила мама. Отбилась только ручка, мама подняла осколки с пола и хотела выбросить. Я залилась горьким плачем. Чашка была. И её не будет – н и к о г д а. Значит, любая вещь сейчас есть, но она может разрушиться, исчезнуть, и её не будет никогда. Краешек сознания всё цеплял продолжение мысли: значит, так же не будет и людей – и мамы, и папы, и сестры, и меня... Я всё больше мотала головой, отгоняя эту ужасную, непереносимую мысль, и плакала всё горше. И мама не знала, чем меня успокоить. Наверное, она приняла единственно верное решение.

— Я сейчас склею чашку, и она будет как новая, — спокойно сказала мама. Действительно, каким-то клеем она приклеила ручку на место.

— Видишь, цела и невредима!

Каким бальзамом прозвучали эти слова! Значит, всё не пропадает навсегда! Значит, всё можно склеить, вернуть!

Чашку мама поставила в буфет, и ещё долго, проходя мимо, я смотрела на неё с победным чувством: «Можно склеить! Можно вернуть! Можно сохранить!».

И эти страшные слова — «не будет никогда» — отодвинулись, спрятались внутрь ещё на какое-то время...

«Открытия» и вопросы

Каждый ребёнок, входя в этот мир, делает какие-то свои открытия, по-своему объясняя окружающее... В детстве, наверное, все прятались под столами. Когда, играя в прятки со старшей сестрой, я залезала под стол, сквозь дырочки скатерти пробивался свет. Скатерть, как и шторы на окна и двери, мать сшила сама, «выбивала», как она говорила; это были какие-то крупные кружева по краям штор (как жаль, что не сохранилась ни одна вещь — произведения искусства!). И однажды вечером, выйдя после игры на улицу, я сделала «открытие». Я поняла, что такое звёзды. Это на ночь на небо натягивается тёмный полог (чтобы людям в темноте спать!), но он с дырочками, и сквозь эти дырочки просвечивается тот, дневной свет. Помню, что луны тогда на небе не было. Впрочем, она вполне бы легла в эту «научную концепцию» — большая дырка на одеяле ночи...

Однажды, уже постарше, я задала маме вопрос: «А где мы будем жить, когда наши комнаты станут совсем маленькими?». Мать не поняла: «Что ты придумываешь, почему?»... Я объяснила: «Ну, как же, ты ведь каждый год, весной и осенью, белишь стены. Слой известки всё

толще и толще... Когда-нибудь комнаты станут совсем маленькими!».

А когда я стала ещё постарше, мучил меня такой вопрос. Я была примерной пионеркой и активисткой, искренне веря во все коммунистические идеалы. Но когда говорили о рабочем классе-гегемоне, о всех достоинствах и роли пролетариата, большие сомнения одолевали меня. Росла-то я на рабочей окраине, среди этого самого «гегемона», и годам к десяти хорошо узнала, что это в основном пьющие и недалёкие люди. Я мучительно думала, почему же, к примеру, учителя, которые намного лучше, умнее, интереснее, не могут быть «гегемонами» (это слово я воспринимала как синоним прилагательного «главные»). Но успокаивала себя тем, что я ещё маленькая, не всё понимаю, а вот вырасту и всё пойму насчёт пролетариата. А может, это только на нашем заводе такой рабочий класс, а на другом – настоящие гегемоны! Вот какие дурацкие мысли мучили мою детскую русую головку!

Цветок для мамы

Мы с подружкой Веркой гуляли по лесу в любое время года. Сейчас это трудно представить: окраина Новосибирска, бесконечные берёзовые леса, которые начинались через несколько улиц от нашего дома, и две девчонки, без присмотра пропадающие в этом березняке и зимой, и летом... Конечно, зимой походы были недолгими, на лыжах, сугробы наметало такие, что далеко не уйдёшь. Но с наступлением весны лес был наш.

Мне было в том году лет 9-10, потому что всё уже помню отчётливо. Но, судя по тому, что я ещё не точно знала день месяца рождения мамы – может, было и меньше. В общем, я решила, что день рождения у мамы 4 марта (а на самом деле 4 мая, но эти месяцы – март, май, у меня почему-то всегда путались...). Я подговорила Верку

идти в лес за цветами. Какие цветы в начале марта в Новосибирске, может представить себе только сибиряк. Ещё в шубах ходили. Но, видимо, весна была очень, очень ранней и тёплой, так как снег в этот день таял, и мы пошли в лес в резиновых сапогах. Дошли по снеговой тропинке до дачных участков, уже занявших к тому времени наши любимые лесные места, прошли по улице среди строящихся домиков, вышли к оврагу. Верка канючила: «Оль, ну какие цветы, видишь, снег кругом...». Но моё желание найти цветок для мамы и моя вера в это были столь велики, что я не отступала. «Найдём, Вер, ну ещё чуть-чуть...». И – о, чудо! – на дне оврага тёк ручеёк, с одной стороны от него был виден кусочек земли. А на нём рос небольшой жёлтенький цветок! Это был не подснежник, подснежники мы хорошо знали...

Как сейчас понимаю я, через много десятков лет, это было просто Чудо, Божье чудо.

До сих пор удивляюсь я этому чуду, и можно было подумать, что всё это приснилось... Но Верка – свидетель (она до сих пор живёт в Новосибирске). И мама – если помнит...

Я спрятала цветочек за пазуху. Придя домой, поставила его в какую-то баночку с водой и унесла её в угол, на пол, чтобы мама не увидела. Было 3 марта. Наутро я достала цветок из банки и понесла на кухню, маме.

— С днём рождения!

— Так у меня же в мае! – удивилась мама.

Я быстро сориентировалась:

— Ой, с 8 Марта!!! Наступающим.

— Спасибо! – сказала мама. – Где же ты его нашла, холодно ведь ещё! Вот чудо! Поставь, пожалуйста, его в воду. Я побежала...

Мама ушла на работу. Мне было так стыдно, что я перепутала месяц дня её рождения... Я поставила баночку с цветком на свой стол и принялась за уроки. Тогда я не воспринимала находку этого цветка как нечто особенное. Да,

я очень хотела – и нашла. Хотя в классе, когда я рассказала об этом девчонкам, никто не поверил. «Да вот же, Вера свидетель!» – говорила я. «Да с Веркой вы сговорились...».

Уроки рисования

В детстве был такой случай. Как-то сестра прибежала с улицы, запыхавшись: «Оль, нарисуй Любку Пьяных!». (Мне лет 5-6, сестре, соответственно, 12-13. Многодетная семья Пьяных живёт напротив, моя сестра со своими подружками то дружит, то ругается с сёстрами Пьяных).

Я, польщённая такой просьбой, начинаю рисовать. «Быстрее, быстрее!» – торопит сестра. Я и без того рисую неважно, а уж в такой ситуации и подавно – палка, палка, огуречик... «Молодец! – хвалит сестра. – Подпиши: «Люба». Ну, писать-то я умею, пишу чётко, печатными буквами. «Теперь рисуй Светку, я скоро приду!» – сестра берёт готовый рисунок, ещё что-то дорисовывает и, пока я собираюсь возмутиться, что она портит портрет, вихрем уносится на улицу. Я рисую Светку, потом её братьев Серёжку и Шурку... На следующий день, выйдя на улицу, я ожидала слов восторга и благодарности от семейства Пьяных за свою работу. Каковы же были мое недоумение, разочарование и обида, когда братья и сёстры Пьяных стали тыкать мне в нос моими листочками и говорить: «Что, вы у нас самые красивые? Попробуй ещё нарисуй! Была б ты побольше, мы б тебе врезали! А Ленка ещё попадётся...».

На некоторых рисунках я успела разглядеть рожки, хвостики и другие детали, которые сестра успела пририсовать к моим «шедеврам». Я заплакала и убежала домой. Потрясением было то, что работа, которую я делала от чистого сердца, ожидая доброго отклика и благодарности, была использована в других целях! Обида душила меня... Охота к рисованию отпала надолго.

Патриоты

Идеологической мишурой мозги наши были забиты с детства. Мы были страшными патриотами. В первом классе в апреле – ко дню рождения Ильича – нас приняли в октябрят. Всё было очень торжественно. На втором этаже родной новосибирской школы №71, в фойе, выстроились отряды пионеров. Кто-то что-то говорил, что не воспринималось нашими семилетними головками, а потом настал самый главный момент: к каждому из нас подошёл пионер и прицепил на левую сторону октябрятский значок, красную звёздочку, в середине которой был портрет маленького кудрявого Ленина. Мне прицеплял значок какой-то высокий красивый мальчик, в которого я сразу безоговорочно влюбилась. Мой пионер был лучше всех! Потом, завидя его в коридоре, я стеснялась и опускала голову, он же, судя по всему, и помнить не помнил о какой-то мелюзге, которой цеплял значок...

А значки были разные – двух видов. Одни, их было подавляющее большинство – полностью железные, а другие – из красного оргстекла или пластмассы, не знаю уж, как этот материал назывался, в общем, звёздочка была прозрачной, стрелки её выпуклые, более узкие и острые, а портрет маленького Ленина вклеен, как фотография! Такие звёздочки были редкостью, их обладателям мы завидовали... У нас с подружкой Веркой значки были обыкновенными, но мы ими страшно гордились. Хорошо помню этот яркий апрельский день: мы вдвоём идём из школы, не застёгивая курток, хотя ещё довольно прохладно. Но с левой стороны у нас сияет по октябрятской звезде, и нам кажется, что все-все прохожие смотрят на нас с восхищением!

Пионеркой я была активной. Вернее, не так: предполагалось, что тот, кто хорошо учится, непременно должен быть первым и в общественной жизни. Признаков лидер-

ства в моём характере явно не было, я скорее относилась к «тихушникам». Но, тем не менее, как только мы вступили в пионеры, меня выбрали звеньевой. Ну, если надо так надо. Я была исполнительным ребёнком и с рвением взялась за дело. Звено мы назвали «Отважные» – в честь героев Великой Отечественной. Я придумала речёвку:

*Слава, отважные,
Слава, бесстрашные,
Вечную славу
Поёт вам народ.
Доблестно жившие,
Смерть победившие,
Слава о вас
Никогда не умрёт!*

Речёвка должна была быть у каждого звена, и общая – у класса. Мы их кричали на каждом пионерском сборе.

Оформили альбом звена. Но главное, что мне нравилось – реальные дела. К примеру, сбор металлолома. О, тут «Отважные» были на первом месте! Я брала у отца тележку на двух больших колёсах (подозреваю, это были какие-то списанные колёса от самолётов). Мы обшаривали всю округу, ходили по всем дворам и близлежащим свалкам, набирали старый металл и тащили тележку к школе. На школьном дворе высилась гора металлолома. Возле неё стояли напольные весы, возле которых дежурили по очереди преподаватели. Металлолом взвешивался, данные заносились в тетрадку. Мы были первыми! Потом за это нам давали почётную грамоту. Сколько десятков килограммов железа мы перетаскали, не знаю, но было тяжело. Помню, что в один из «походов за металлом» я надела мамин зелёный шерстяной платок. Тащили тележку вчетвером – две девчонки и два мальчишки. Видимо, я настолько вспотела, что платок полинял. Когда я его по дороге подтягивала, подвязывала, вымазала руки, щёки. Друзья увидели мою зелёную физиономию только в

школьном дворе, до этого некогда было смотреть друг на друга. Стали хохотать, а я не могла понять, над чем они смеются... Учительница, которая принимала металл, тоже ахнула:

— Оля, ты где так вымазалась?

Ещё посоветовала нам – мол, ребята, не надо так тележку нагружать, надорвётесь... Но мы должны были быть первыми!

А ещё помню чувство гордости, когда нашей школе была оказана честь приветствовать делегатов партийной конференции в Новосибирском оперном театре. Конференция посвящалась 100-летию В.И.Ленина, значит, было это в 1970 году. Пару раз нас привозили в оперный на автобусах, мы репетировали – как синхронно войти из фойе в зрительный зал, как стоять, замерев, на каких словах ведущего отдавать пионерский салют... 22 апреля, народных, с белыми бантами и наглаженными галстуками, «белый верх – чёрный низ», нас заранее собрали в школе, потом повезли в театр. Подробности этого мероприятия забылись, но всё было очень красиво (прежде всего сам театр!)... Было приятно, как громко хлопали нам взрослые дяди и тёти... А долго неподвижно стоять было тяжело. Пока с трибуны говорились длинные речи, я вспоминала, как мы с мамой были недавно здесь на «Лебедином озере»...

Помню еще, как родители гордились, что я участвовала в этом «торжестве»!

Отмороженные уши и «отмороженные» глаза

Однажды, в 7-м классе, я пришла в школу с отмороженными ушами. Уши были огромные, распухшие, красные, зудились и болели. К тому же мать намазала их гусиным жиром, и они лоснились и сияли на свету. Не помню, смеялись ли надо мной мальчишки в классе, или, видя мой

несчастный вид, замолкли. Учительница, ахнув, сказала, что можно посидеть дома или повязать на голову лёгкий платок. Я была примерной ученицей, пропускать уроки никак не могла и несколько дней ходила по школе в платочке... Настроение было мрачным – не только из-за ушей, но из-за того, что впервые в жизни столкнулась с малодушием и предательством.

Я занималась тогда в лыжной спортивной школе. В воскресенье была большая тренировка. Мы с тренером (группа – восемь человек) ушли далеко в лес, это называлось «по большой лыжне». С утра погода была чудная – тепло, безветренно, все оделись легко, в костюмах, лёгких шапочках. Уже через час стало холодать, но мы бежали всё дальше и дальше, а когда дошли до конечной точки, мороз, мне кажется, был под 20. Все стали подмерзать, спасение было одно – бег. Тренер погнал нас в обратный путь. Но с нами было четыре новичка, это была одна из первых тренировок девчонок, и они просто выбились из сил. Они останавливались, присаживались, мы их ждали – и замерзали всё больше. Тогда тренер сказал Сашке – одному из двух мальчишек нашей группы (и самому сильному, и самому тренированному), чтобы он бежал на лыжную базу, поднимал людей, и те шли навстречу – взяв тёплые вещи и термосы с горячим чаем. Сашка убежал. Мы остались и плелись еле-еле, поддерживая совсем ослабевших и замёрзших новичков. Тренер предлагал нам (двум девчонкам-«старичкам») бежать вслед за Сашкой. Но как мы могли бросить остальных! Разбились на пары (как раз с тренером нас осталось восемь) и чуть не тащили этих девчонок, и тормозили, и не давали останавливаться. Силы были на исходе, и руки, и ноги заоченели, про уши никто не думал. А мороз крепчал и крепчал... Мы ждали – с минуты на минуту покажется помощь.

А Сашка, оказывается, по дороге забежал домой, он жил на самой ближней к лесу улице. Снял лыжи, перео-

делся, мать заставила выпить горячего чая... На лыжную базу он пришёл уже согревшись, в шубе и шапке. Пока собрались, открыли раздевалку, взяли наши вещи, налили термос... В общем, мы почти дошли до лыжной базы, когда навстречу нам бежали долгожданные лыжники с вещами в руках. Сашка с ними не пошёл...

Слава Богу, обошлось без серьёзных травм. Отмороженные уши и бронхиты не в счёт, всё зажило. Сашка на тренировки больше не ходил, но с «отмороженными» глазами здоровался с нами в школе, как будто ничего не произошло. Мы обдавали его холодными презрительными взглядами...

Греческая бабушка

Одна из семейных легенд: бабушка моего отца была гречанкой. Легенда – потому что никаких вещественных доказательств тому не сохранилось. О своей матери-гречанке рассказывал моей маме свёкор, когда он жил вместе с молодой семьёй моих родителей в крохотной комнатке в бараке, в Новосибирске. Говорили мне о греческих корнях и дядьки (братья отца) Илья, Алексей, Андрей. В целом картина вырисовывалась такая. Их дед, бравоый гренадёр Григорий Григорьев привёз с войны (как я поняла, русско-турецкой) жену-гречанку. Якобы там, в походе, влюбившись в неё, он наобещал ей золотые горы и терема. А привёз в бедную курскую деревню, в маленькую избушку. Тем не менее, по рассказам внуков, жили дед с бабкой очень дружно, душа в душу, она никогда ему не преко-словила. Ростом была маленькой. Худенькая, чёрненькая, ходила по деревне с зонтом от солнца, вызывая поначалу насмешки крестьян, а потом они к ней привыкли и полюбили за добрый и смиренный характер. Как звали бабушку, ни от отца, ни от дядек я так и не узнала. Гречанка умерла, когда они были малы, а когда подросли – уже шли

30-е годы 20-го века, и о том, что в роду были «иностранцы», все благоразумные люди старались не вспоминать. Так, в беспмятстве, и росли новые поколения.

Из пятерых братьев и одной сестры Григорьевых гены бабки более всего передались моему отцу – «греческий профиль», тёмные волосы. Увы-увы, мне ничего «греческого» уже не досталось. Видимо, победила «вятская кровь» мамы...

Когда мать с отцом начали встречаться (они работали в одном цехе на авиационном заводе им. Чкалова в Новосибирске), сердобольные подружки её отговаривали: «Ты что, Шурка, он же «нерусский»! Не связывайся с ним!». Мать возражала – почему не русский, когда Григорьев Николай Андреевич! Но на всякий случай подошла к старшему брату Николаю – Алексею, у которого, кстати, физиономия была уж чисто курская – и спросила в разговоре, откуда, мол, они и кто по национальности. Дядя Лёша заверил, что чисто русские, не зря в деревне Михайловке (нынешней Павлодарской области), куда в начале века по столыпинской реформе перебрались Григорьевы, звали их «курскими соловьями»...

Ах, думаю теперь, не зря я зачитывалась в детстве мифами древней Греции! Не иначе гены прабабушки-гречанки так и тянут меня к этой стране!

Комната без окон

Когда отец с матерью поженились, жить им было негде. И молодожёнов приютил старший брат отца Алексей, который сам с женой и детьми жил в одной комнате большой коммунальной квартиры. Не знаю уж, как он договорился с соседями, но счастливых Николая и Александру поселили в ванной комнате (!) этой коммунальной квартиры. Дом был новый, ванны по какой-то причине там ещё не установили. Готовила мама на электроплитке, а

чтобы поесть, они доставали лист фанеры, располагали его на мойке, завтракали или ужинали, быстро убрали и предоставляли соседям возможность пользоваться раковиной по назначению. «Всё было замечательно, – вздыхает мать, – было бы ещё там хоть одно окошечко...». В эту ванную комнату принесли и первенца – мою старшую сестру Лену, которая родилась 1 июля 1950 года. Потом отец написал заявление в профком об улучшении жилищных условий, и им предоставили отдельную комнату в длинном одноэтажном рабочем бараке. «Отдельную!», – подчёркивает мать. Это было настоящим счастьем! Никого не смущало, что перегородки между комнатами были фанерными, и слышимость была идеальной. Какое-то время с ними жил отец отца. Сестра говорит, что дедушку помнит смутно, а вот бесконечный коридор барака, расположение мебели в комнате (то есть кровати и стола) запомнила отчётливо. Это были её первые детские воспоминания.

Мы, чубаровские...

Если по линии отца маячит в прошлом полulegenдарная прабабка-гречанка, то по линии матери – это прадед Дмитрий Тимофеевич. Мама помнит, что в деревне звали его «грибом». Дедушка же мой, Яков Дмитриевич Скочилов, родился в 1895 году в деревне Чубарово Яранского района Вятской губернии (впоследствии – Кировская область). Интересно, что «корни» моего мужа тоже происходят из села Чубарово – только Новосибирской области! Прадедушка был урядником, зажиточным человеком. В коллективизацию, естественно, раскулачили, и семья бедствовала. Советская власть добилась «равенства»: Скочилковы стали такими же нищими, как пьяницы и бездельники, живущие по соседству... Дедушка Яков Дмитриевич умер в 1949 году, так что внучек своих не видел: Лена родилась в 1950, я – в 1957-м.

Мамина мама, а моя бабушка Мария Игнатьевна Серкова родилась 12 февраля 1905 года. Родом она была из деревни Чимуры той же Вятской губернии. В семье она росла одна, сестра умерла в раннем возрасте. Отец погиб в первую мировую – в газовой атаке. Кстати, воевал на ней и её будущий муж Яков...

...Мы сидим над альбомом старых фотографий, и мама младшая сестра, моя любимая тётушка Соня, которой гордится вся родня, рассказывает мне о моих предках. Софья Яковлевна – доктор химических наук, профессор, Лауреат Государственной премии, автор многих изобретений. Её лекарства спасли немало человеческих жизней... Я очень люблю бывать у неё в гостях, в подмосковной Старой Купавне, в гостеприимном доме Шиловых-Скочилых.

Когда приезжаю в Купавну, мы с тётушкой идём на кладбище этого старинного русского городка, где под высокими соснами похоронена моя бабушка Мария Игнатьевна.

Ещё из рассказов мамы и тёти запомнился почему-то такой штрих – у одного из братьев их отца была в доме скрипка. Ну, конечно, сразу вспомнились строки любимой мною Марины Цветаевой:

*Какой-нибудь предок мой был – скрипач,
Наездник и вор при этом.
Не потому ли мой нрав бродяч
И волосы пахнут ветром!*

Насчет «наездника и вора» в нашем случае, конечно, поэтическая фантазия, а вот насчет моего «бродячего нрава» – это в точку...

В 2015-ом году мы с сестрой Леной наконец-то съездили на мамину родину – в город Яранск. Сердечно и гостеприимно встретила нас мамина родственница – тётушка Рая. Познакомила с городом, который ведёт свою историю с 1584 года; показала дома, где жили наши ба-

бушка и дедушка; школу, где учились сёстры Саша и Соня Скочиловы...

С особым чувством стояли мы на яранском кладбище, где лежат несколько поколений Скочиловых, наши прадеды, деды, дяди, тёти... 12 могил.

Несчастный случай

Если искать в каждом событии тайный смысл, воспринимать его как символ, то это происшествие «читается» легко. Мама полезла на диван – подвести настенные часы, которые стали отставать. Потеряла равновесие, упала, ударилась о ручку дивана, сломала шесть рёбер... Несчастье это случилось на даче, где мама жила всю неделю одна, а сестра моя Лена с мужем приезжали на выходные. Упала мама в четверг поздно вечером, перед этим Лена ей звонила по сотовому – удостовериться, что всё в порядке. Тогда ещё всё было хорошо. Приехали они только в субботу утром, и до их приезда мать лежала на полу, сумев стащить к себе одеяло с кровати. Телефон лежал на столе, а подняться она не могла от боли.

Этот случай высвечивает, во-первых, характер матери: всё должно быть в порядке! Часы должны идти точно! (В 82 года полезть на диван...). Во-вторых, здесь и некий символ: неправильно идёт наше время, общие наши часы, и старшее поколение пытается сказать об этом и сделать что-то, но, увы, их не слушают и не хотят слышать, а у самих уже сил нет. А молодым всё равно...

Случай, конечно, переполошил всю родню. Я поехала в Новосибирск – посидеть с мамой, помочь сестре. Раньше приезжала ненадолго – всегда некогда, всегда бегом, 2-3 дня – и домой. А тут пробыла три недели, пока не поставили маму на ноги. И долгими больничными вечерами расспрашивала о жизни, о её семье и своём детстве,

словом, о том, о чём в суете повседневности поговорить было некогда...

Дорога

Раньше я воспринимала дорогу как промежуточный этап, препятствие, помеху перед быстрым достижением какой-то цели. Быстрее попасть в Москву, Ленинград, к морю! Быстрее увидеть родных! Быстрее встретиться с любимым! Поэтому дорога переносилась мучительно. И лишь к сорока годам начала относиться к дороге правильно – как к полноценному отрезку жизни, самоценной части существования, научилась наслаждаться дорогой – пейзажем за окном, неторопливой беседой, маленькими радостями дорожного бытия.

Как хочется, чтобы дорог в моей жизни было ещё много-много...

ОГОРОДНЫЕ ЭТЮДЫ

«Случилось так, что двадцати семи/ лет от роду мне выпала отрада/ жить в замкнутости дома и семьи,/ расширенной прекрасным кругом сада...». Я очень люблю это стихотворение Беллы Ахмадулиной. Оно о какой-то невидимой, но очень крепкой связи человеческой души и природы, вернее даже, об их неразрывном единстве. И хотя я уже на много лет старше той, ахмадулинской героини, и наш «прекрасный круг сада» – это всего лишь четыре сотки старого и запущенного дачного участка, этим летом чудесные строки Беллы вспоминались почему-то особенно часто. И в наблюдениях за садом-огородом, в кропотливом труде прополки и полива, высадке рассады и сбора урожая родились вот эти этюды.

Редька цветёт

В этом году на грядке, где я посеяла семена редьки, – настоящая цветочная клумба. Редька цветёт. Качаются на ветру белые и светло-фиолетовые соцветья. Цветёт редька и у соседей. В чём причина, мы не знаем, семена ли такие, почва ли виновата или погодные условия, но ясно одно, что редьки – ни майской, ни летней, ни зимней – нам не попробовать. «Ушла в цвет» – выразился один сосед-садовод и повывёргивал неудавшуюся культуру, засеяв освободившееся место редиской. Соседка слева оставила цветущую редьку: «Будут семена». Все раздражены – получили не то, что ожидали.

Подобное чувство раздражения испытывают многие, глядя на нынешнюю молодёжь. Конечно, все они разные, эти мальчишки и девчонки, так спешащие стать взрослыми. И все они иные, чем мы. Не этим ли объясняется наше

неприятие, непонимание их ценностей, их образа жизни? Мы ожидали от них плодов – сейчас, сразу. А они «ушли в цвет» – в рок-музыку, видеики, коммерцию, погоню за материальными благами, у них какие-то призрачные, непонятные для нас кумиры... (не у всех, конечно, но у многих). Они называют это красивой жизнью, они качаются из стороны в сторону под порывами жизненных ветров. А мы пытаемся доказать, что есть вечные ценности, истинные, а не мнимые, что нельзя изменять корням, родной земле. Но они – другие. Кто в этом виноват – время, гены, мы сами?

Но кто знает, кто знает, может быть, эти цветы принесут прекрасные семена? И через поколение из этих семян вырастут замечательные плоды, которых мы так долго ждали?

Запах чеснока

Как-то на юге я зашла в сапожную мастерскую – подбить туфли, изрядно износившиеся за отпуск. Пожилой грузин-сапожник, автоматически ставя набойки и завёртывая на каблуках «стаканчики», отчитывал стоящего перед ним красавца-парня: «Грузин всегда грузин, понимаешь – нет! Будь ты сапожник, министр или коммерсант! Думать головой надо, э... А ты...». Тут он перешёл на грузинский, сказал ещё несколько резких фраз и, видимо, отправив парня куда-то, вновь взялся за мои туфли.

Вот эта фраза – «Грузин – всегда грузин!» – всплыла неожиданно откуда-то из глубин памяти, когда я обламывала стрелки чеснока на своей дачной грядке. Какой неповторимый резкий и терпкий запах! Чеснок всегда чеснок... Будь то листья, стрелки или сами головки, будь он в салате, маринаде или в любом другом блюде, его не спутаешь ни с чем. Удивительно всё в природе и мудро.

Если бы каждый из нас сохранял в себе всегда, при любых обстоятельствах, те качества, которые присущи своей национальности. Желательно, разумеется, лучшие – широту души, гостеприимство, доброту, понятие о чести и достоинстве...

О природе творчества

На день рождения сотрудница подарила мне пять больших луковиц гладиолусов, наказав, чтобы при посадке я не забыла одно правило: садить глубоко, на расстояние, равное примерно пяти диаметрам луковицы. Тогда, мол, и стебель будет крепкий, и цветок сильный. Следуя совету, выкопав лунку нужной глубины, я засомневалась: пробьёт ли росток такой толстый слой земли?

Цветы не всходили долго, и я уж думала – не взойдут совсем, очень глубоко посадила. Но вот пробился один зелёный росток, за ним ещё и ещё. Выросли все пять. Сказочные получились цветы.

Так и стихи. Боже мой, сколько преград надо пробить строчке, чтобы выбраться на белый свет! Каким огромным толстым слоем навален сверху быт, заботы о хлебе насущном, о семье, о детях, сколько сил и времени отнимает работа... Очень глубоко запрятан он, этот росточек поэзии. Но если уж пробивается – значит, будет жить! По крайней мере, хочется верить в это...

В общем-то, давно доказано, что всё достойное рождается «вопреки», а в тепличных условиях произрастают растения хилые и слабые. Возьмите кинематограф – какие прекрасные фильмы снимались в застойные времена, пробиваясь через мощные слои запретов, ограничений, идеологических табу!

Впрочем, если слой земли будет уж слишком толстым, цветок может и не взойти совсем...

Помидор на подоконнике

Помидор лежал на солнечном подоконнике. Почти с самого рождения он знал, что он – особенный, не такой, как все. На его плодоножке была завязана красная тряпочка, и если собратьев по мере поспевания сразу срывали и уносили куда-то, то он, самый большой и «упитанный», висел на кусте дольше всех. Но вот ночи стали холодны, а дни пасмурны, пришёл и его черёд. Его сорвали очень бережно, так же бережно привезли в этот дом, и вот он, уже переспевший, лежит на солнышке. Но он не просто лежит и ждёт часа, когда хозяйка вспорет ему брюхо и выпустит семена; он, конечно, не подозревает о таком печальном конце. Нет, он лежит с ощущением, что он видел уже всё это: солнце, бьющее сквозь оконное стекло, этот подоконник, стол и шкаф с книгами. Видел, видел! Он уже был здесь! Между тем, быть здесь ранее он не мог, ведь вся его не такая уж длинная жизнь прошла на огородной грядке, но казалось, что был, и всё тут... Кошка вот ходит рядом. «Кошка – опасность... Почему опасность?».

А хозяйка, глядя на красавец-помидор, оставленный на семена, вспомнила о том, как на этом самом подоконнике весной стоял ящик с рассадой, и Муська однажды наделала такой переполох, перерыв землю и обкусав нежные зелёные ростки. «У, змеища», – замахнулась на неё женщина. А потом задумалась: «Господи, время-то как бежит... Вечный круговорот: то рассада, то засолка. Надо выпустить сегодня семена. Готов уже...».

...Наверное, и в наших генах заложено что-то, позволяющее узнавать места, где мы не были ни разу в этой жизни. Когда мне было лет десять, мама решила свозить нас с отцом в свои родные края, в Кировскую область, где прошло её детство. Мы, как выразался отец, пол-Вятки тогда пешком прошли. Побывали сначала в Яранске, род-

ном мамином городке, потом поехали по деревням, где на попутках, а где пешком.

И вот идём втроём по пыльной широкой дороге: справа – поле ржи, слева – перелески. Устали уже, молчим. И вдруг я чувствую, знаю, что сейчас – за этим поворотом налево покажется дом, большая изба, четыре окна на дорогу. Я не была здесь ни разу в жизни, но я твёрдо знала это, как знала и то, что в этой избе меня хорошо встретят, накормят, обогреют... И только я начала говорить: «Мам, мне кажется, что сейчас...», – как мы уже прошли поворот, и вот он – деревянный старый дом с четырьмя окошками предстал перед нами. Я остановилась как вкопанная, не могла идти, мать стала трясти меня за плечи и испуганно спрашивать: «Что с тобой?».

Потрясение было настолько сильным, что и, войдя в дом, к старенькой маминой тётушке, которая запричитала, заплакала и всё вспоминала, как Санечка в детстве прибежала её проведать, я долго не могла разговаривать. Всё списали на сильную усталость от долгой дороги. А я, лёжа на высокой кровати, разглядывала диковинную обстановку избы – лавки по всему периметру стен, большой стол посередине, иконы в углу, разглядывала и словно вспоминала уже виденное. Когда? Кем?

Мать-луковица

Когда я вижу эту пожилую женщину в окружении детей (у неё четыре сына и три дочери), образ луковицы неизменно преследует меня. Вот её, луковицу, молодую и крепкую, сунули в весеннюю землю, она дала ярко-зелёные ростки, небольшие, тоже крепкие, один за одним. Они росли, зеленели, радовали глаз, а она, незаметно отдавая им всю свою силу, весь сок, всю энергию, сморщивалась, старела...

Ах, какие славные выросли дети – стройные, высокие, красивые. Мать-луковица гордится ими, не замечая своих морщин и не жалея не о чём. В них – её счастье и смысл её жизни.

ПОСТИЖЕНИЕ ИСТИН

Конечно, все эти истины стары, как мир. Но каждый человек однажды открывает их для себя. И это всегда – впервые, внове... Обычно такие открытия происходят в пору детства и юности, а осмысливаются и подтверждаются уже с годами. Так было и со мной...

На границе

Наша семья жила тогда на рабочей окраине Новосибирска, в своём доме. Мне было лет восемь-девять, не больше. Стояла зима, сильные морозы. Но мы с сестрой вечером, перед сном всегда выбегали на улицу, «подышать». Сестра старше меня на семь лет, поэтому у неё, естественно, была своя «взрослая» компания.

А я играла с ровесниками или гуляла одна, что было тогда совершенно безопасно, тем более, что на нашей улице все знали друг друга...

Это был удивительный вечер. Выбежав за ворота, я сразу остановилась. Стояла почти абсолютная тишина, даже собаки не лаяли. Улица была пустынной, а в небе огромным прожектором висела ясная, полная луна. Она была настолько неестественно яркой, что светом своим затмевала звёзды, на небе больше не было ничего. Может быть, сильный мороз давал такой эффект пустынности неба и близости луны, не знаю. А я, запрокинув голову, просто задохнулась от величия Космоса, впервые в жизни ощутив себя находящейся в нём. Именно не на земле, не под луной, а на границе земли и неба. Ноги мои стояли на земле, а остальное было в Космосе... Это одновременное чувство и своего величия (всё-таки частица Космоса!), и своего ничтожества (пылинка по сравнению с ним!) было необъяснимо и невыносимо для детской души. Заревев, я бросилась в дом...

«Знаю, спасение наше – в любви...»

С луной связан ещё один эпизод моей жизни и ещё одно «открытие». Лучшей «подружкой» в старших классах у меня был мальчик по имени Костя. Потом дружба переросла в нечто большее, но мы всё не осмеливались подойти друг к другу на расстояние меньше вытянутой руки... Так вот, однажды весенним вечером мы гуляли с ним в степи за посёлком (семья наша жила тогда уже под Алма-Атой). Вернее, не гуляли, а сидели на одном из тех огромных камней, которые оставил в степи много лет назад страшный сель, пронёсшийся с гор. Сначала мы смотрели, как прятался за горизонт огромный оранжевый диск заходящего солнца. Быстро стемнело, как это всегда бывает на юге.

А мы всё сидели и болтали, нам совсем не хотелось расставаться и идти по домам. И вдруг Костя дотронулся до моего плеча – «смотри!». На западе, там, где село солнце, появилось что-то непонятное. От горизонта возник полукруг, внутри которого небо было гораздо светлее остального, потом очень медленно, постепенно, полукруг начал шириться, расти.

Это можно было сравнить с радугой, которая всё выше и выше поднималась над горизонтом, оставляя за собой почти светлое небо. Зрелище было красивое, но непонятное, а потому страшное. Наше поколение – «дети холодной войны», и первая мысль была: «Всё. Конец. Ядерный взрыв». Мы вскочили с камня, кинулись друг к другу. Костя впервые обнял меня, прижал к себе. И... ничего нам не стало страшно в эту минуту. Пусть пропадёт весь мир, а мы спасёмся! Ведь мы любим друг друга! В голове стучалась стихотворная строчка: «Знаю, спасение наше – в любви...». Я на секунду открыла глаза и зажмурилась вновь – полукруг дошёл почти до середины неба.

...Сколько прошло минут, я, конечно, не помню, но когда мы очнулись, всё было на месте – прекрасная весенняя степь, горы, небо. А на востоке уже взошла и поднималась всё выше над горизонтом огромная луна. Мы расхохотались над своими страхами. Стало понятно, что это какой-то оптический эффект. То ли луна, всходящая на востоке, так освещала западную часть неба, то ли как-то по-особому преломились солнечные лучи, не знаю...

Потом я долгое время довольно критически вспоминала эту ситуацию. «Спасение – в любви». Придумала... С юношеским максимализмом решила – ну уж нет, прятаться в объятиях любимого при возникшей опасности – всё равно, как страус прячет голову в песок, это не для меня.

А с годами всё больше убеждалась в правильности этой строки. Действительно, спасение наше в любви. В большом, философском смысле. И каждого человека, и всего мира.

Да и в житейском смысле. Иногда только «спасательный круг» любимых рук и может удержать на плаву...

Природы лик

Одно из самых ярких впечатлений моей жизни – горы. Когда мы переезжали из Новосибирска под Алма-Ату, я долго стояла у окна поезда и высматривала – где же они, горы, когда появятся, какие они? Тут подошёл отец и спросил: «Ну, как тебе горы?». Я опешила: «Да где же они?». Оказывается, тот ряд облаков на горизонте, окрашенных розовым цветом заходящего солнца, и был грядой гор с вечно нетающим снегом. Так я при первом знакомстве горы приняла за облака, зато потом, приезжая в Сибирь и Северный Казахстан, долгое время не могла привыкнуть к их отсутствию, к тому, что сверкающие белизной облака на горизонте – это действительно облака, а не снег вершин.

Ощущение величия природы тоже впервые пришло в горах. На весенних каникулах мы всем классом отправились в поход на водопад. Путь был нетрудным, тропинка вела по ущелью, почти без подъёмов, вдоль быстрой горной речки Каргалинки. До водопада – километров пятнадцать. Для моих одноклассников, местных жителей, всё было привычным и обыденным, каждый из них побывал на водопаде не однажды. А меня всё поражало, завораживало. Ущелье сужалось, горы становились всё выше. Правда, оглянувшись, можно было увидеть долину, залитую солнцем, посёлок, из которого мы вышли. Но тропинка незаметно поворачивала то вправо, то влево, следуя изгибам реки, и однажды, оглянувшись назад, я замерла: огромная островерхая гора словно загородила выход из ущелья. Понятно, что мы постепенно обогнули её, но впечатление было такое, что она выросла на дороге, пройденной нами, совершенно внезапно. Гора была тёмной, высокой, неприступной, и по спине у меня пробежал холодок. Словно в ловушке...

Могущество природы и её безразличие к нам, людишкам, копошащимся у подножия гор, поразило меня. Горы могли превратить нас в пыль, лишь «шевельнув плечом», обрушив камнепад или сель...

Подобное чувство беспомощности и страха, наверное, испытал каждый, перенёсший землетрясение. Мне тоже довелось в Алма-Ате. Жуткое ощущение, когда земля – самое надёжное в мире, сама земля уходит из-под ног...

Рюкзак яблок

Материальное и духовное, преходящее и вечное... Мыслящий человек мечется между этими полюсами, и от того, какой перетянет, зависит его образ жизни и её результат.

Из окна нашей комнаты в общежитии на КазГУграде были видны горы. Мы с подружкой, первокурсницы-романтики, записались в первые же дни учёбы в секцию альпинизма, по вечерам пели в комнате туристские песни и однажды решили: давай рванём вон на ту вершину. Она возвышалась своим белоснежным куполом над остальными и казалась так близка – ну, один-два перевала... Конечно, мы понимали, что близость эта во многом кажущаяся, поэтому подготовились к походу основательно. И вот однажды ранним сентябрьским утром вышли вдвоём из ворот студенческого городка. Часа через три мы окончательно поняли, насколько детской и глупой была наша затея: идти «в лоб», только видя перед собой вершину, без карт, без проводника... Тем более, что и вершину нашей мечты загородили вскоре предгорья, и чем дальше мы шли, тем всё больше открывалось их перед глазами. Я была более упрямой и, наверное, более наивной: «Пойдём, хотя бы до вечера!».

В одном из ущелий мы увидели прекрасную яблоню, старую, раскидистую, усыпанную яблоками. «Всё, привал!» – скомандовала подруга. Мы расположились в тени дерева, пообедали, освободили один рюкзак и наполнили его золотистыми яблоками. Ну, какая уж тут гора... Домой, с добычей!

Вот так, бесславно, и закончился наш «великий поход». А мне по прошествии лет этот случай показался символическим. В юные годы ставим мы перед собой высокие цели, пусть порой и недостижимые. Но надо идти к ним, карабкаться, ползти, не сворачивая, не отвлекаясь на материальные «приманки». А их на жизненном пути, ох, как много, этих «золотистых яблочек». И всё так заманчиво – и красивая мебель, и дача, и машина, да мало ли плодов цивилизации, тешащих не душу, а лишь тело... А где юношеская вершина, где белоснежные, девственные, вечные снега её? Не видна уже за далью лет, забыта. А может

быть, стараемся забыть? Пройдя совсем немного по дороге к ней, набираем «рюкзак яблок», успокаиваемся и поворачиваемся к горам спиной...

Мы никогда не умрём

И снова – детство. Окраина Новосибирска. К нашей улице подступал лес и, конечно, большую часть каникул мы проводили в нём, а не в городе. Примерно за километр находилось озеро, которое мы называли Лесным. Оно было небольшим и не очень чистым, но, как говорится, выбирать не из чего...

Июль. Яркий воскресный полдень. На травянистых берегах озера словно на черноморском побережье – шагу негде ступить, дачники из ближайших садоводств оставили свои нескончаемые хлопоты и выбрались окунуться, но больше всего, конечно, нас, ребятни. Мы с двумя подружками, сидя на одеяльце, стучим зубами – накопились до синевы. Недалеко от нас компания мальчишек-старшеклассников из нашей школы. Нам лет 10-12, но поглядываем на них заинтересованно. Особенно всем троим нравится Валера – девятиклассник, отличник, умница, гордость школы, высокий и симпатичный парень. Мальчишки играют в волейбол. Мяч летит далеко в воду. Валера разбегается, ныряет и... Потом всё, как в страшном сне – его безжизненное тело на берегу, крики, суета. Кто-то делал искусственное дыхание, кто-то побежал вызывать «скорую». Но удар головой был очень сильным, всё бесполезно.

Для меня эта первая смерть на моих глазах была потрясением, шоком. И тогда же пронзила мысль о том, что люди живут так, как будто они вечны. Растрачивают драгоценные минуты и часы на всякую ерунду, мелочь. А ведь этот срок земной дан нам лишь однажды, единожды... Как же надо дрожать над каждой секундой. А мы тратим

их, шикуюем, как богачи, словно времени у нас в запасе – нескончаемое количество.

Потом, конечно, я прочитала, что истина эта открыта и сформулирована давным-давно: «Люди живут так, как будто они вечны». Но я открыла её сама и после этого стараюсь дорожить временем, каждым прожитым часом.

Понятно, что постоянно помнить о смерти человек не может и не должен. Это блокировка, защита организма, когда мы отгоняем мысли о самом печальном. Но иногда вспомнить необходимо.

После бездарно, бессмысленно, напрасно прожитого дня у меня перед глазами встаёт картина: Валерка разбегается – и ласточкой ныряет в воду... Ни у кого не было и тени сомнений в том, что впереди у него блестящая, большая, красивая жизнь...

НЕСНЯТЫЕ КАДРЫ

Наверное, в жизни каждого фотографа, фотомастера или фотолюбителя (к каковому себя отношу) есть моменты, когда очень удачный кадр почему-то не получается: кто-то помешал, сама замешкалась, кончилась плёнка или вдруг оказалась бракованной, в конце концов, просто не было в руках фотоаппарата. А кадры эти остаются в памяти надолго, и жаль, что никто не увидит их, кроме тебя...

Хана

Это было в разгар перестройки, когда общее настроение разрухи, распада, нестабильности просто витало в воздухе. Утром, до работы, мне нужно было забежать во вторую поликлинику, чтобы записать ребёнка на приём к врачу. Когда я вышла на улицу Дзержинского (сейчас Сатпаева) и взглянула на многоэтажный «пузатый» дом, в который она упирается (на улице Торайгырова), то обомлела. Сверху большими буквами было написано: «ХА – НА». Ничего себе, думаю, до чего гласность дошла!

Нет, конечно, я поняла, что между этими двумя слогами напишется ещё что-то, рабочие наверху возились... Но кадр был отменный, перестроечный! Увы, пока я вернулась домой за фотоаппаратом, реклама банка была наполовину сделана: с одной стороны уже висело слово на казахском языке – «халык», а с другой – «народный»...

Несущая праздник

Павлодарская улица Ленина была пуста, её уже перекрыли, но до начала праздничного действия на площади ещё оставалось время, и редкие прохожие, не торопясь,

шли в сторону центра. А по проезжей части звонко стучала каблучками... огромная связка разноцветных воздушных шаров. Сбоку женщину не было видно за ними, только каблучки мелькали, цок-цок-цок... Она торопилась, шла так быстро, что, казалось, вот-вот взлетит на этих шарах. И на душе сразу стало легко и радостно. Она несла праздник...

В тени монумента

Этот кадр при желании можно было и снять, сделать постановочным, но то было мгновение самой жизни... У памятника Ленину, который стоял в парке возле 37-ой школы, гуляла бабушка с ребёнком лет двух. Она посадила его на пьедестал, и мальчик прятался за ногами памятника. Бабушка любовалась внуком – очаровательным, весёлым, подвижным, в светлом летнем костюмчике. И такой контраст был между этим маленьким человечком и чёрной громадой памятника, нависшей над ним, что становилось страшно. Казалось, что монумент шагнёт и раздавит ребёнка... Дело не в Ильиче и не в идеологии, но не дай Бог детям нашим и внукам жить при тоталитаризме. Вожди не видят, кто копошится там, внизу, у их тяжёлых ног...

Миг бытия

По словам Беллы Ахмадулиной, счастье – это осознанный миг бытия. Для многих любителей поэзии таким мигом стал её неожиданный приезд в Павлодар в 1997 году, вместе с Майей Плисецкой. Конечно, у меня осталось много снимков Беллы Ахатовны – и на сцене, и за чаепитием после выступления, но вот одного кадра нет... Мне довелось пообщаться с ней наедине, к сожалению, недолго, в спешке сборов, когда внизу у гостиницы уже стояла машина, чтобы везти гостей на банкет, а сразу от-

туда – в аэропорт. Ахмадулина, продолжая рассказывать о Венедикте Ерофееве, с которым они дружили, сбрасывала в сумку вещи. Потом подошла к зеркалу, поправила свою нехитрую причёску, сказав, что Майя всегда ругает её за «беспорядок на голове»... Попросила меня побрызгать на волосы лаком, ещё раз провела расчёской и – замерла, скептически глядя на себя в зеркало. Ах, какой был взгляд, какой кадр! Но, разумеется, я никогда бы не посмела нарушить её молчание, прервать задумчивость и полезть в сумку за фотоаппаратом. Я тоже замерла за её спиной. Этот неснятый кадр навсегда остался в памяти. Счастливое мгновение бытия – отразиться в одном зеркале с любимым поэтом...

В обнимку с дворнягой

«Вину» за несостоявшийся снимок замечательного актёра, народного артиста России Евгения Миронова возлагаю на свою «мельницу», которой просто было не под силу сделать качественный кадр в таком движении, в суете... Евгений Миронов и режиссёр, актёр Сергей Газаров привезли тогда в Павлодар фильм «Ревизор», где Евгений просто блистательно сыграл главную роль. После просмотра фильма была встреча в узком кругу в Доме-музее Павла Васильева, где оба гостя очаровали всех своей простотой, талантом, умением слушать и понимать людей. Недавно, смотря новый многосерийный фильм «Идиот», я узнавала в образе князя Мышкина черты самого Миронова – его удивительную деликатность и скромность, любовь ко всем и всему живому. Так вот, после встречи, когда все вышли во двор Дома-музея, лохматая дворняга подбежала именно к Миронову, стала махать хвостом, облизывая его туфли... Евгений тут же подхватил её на руки, прижал к себе, основательно вымазав при этом свой светлый плащ, но нисколько не обращая внимания на такие мелочи. Мне

кажется, он был совершенно счастлив от проявления этой неожиданной щенячьей дружбы...

На фоне Иртыша

Ещё один эпизод связан с Домом-музеем Павла Васильева. Вернее, в музее-то всё было нормально, я щёлкала фотоаппаратом, не жалея плёнки: Евтушенко пишет отзыв в альбом почётных гостей, Евтушенко пьёт чай, рассматривает экспонаты, меряет подаренную тюбетейку... Вот поэт у бюста Павла Васильева, вначале вместе со всеми, потом один. Разговаривая, пошли на Иртыш. Евтушенко немного прихрамывал, у него болело колено, и по возвращении в Москву он собирался лечь на операцию.

— Наверное, именно здесь Павел его и переплывал, недалеко от дома, – сказал на берегу Иртыша Евгений Александрович и засмотрелся на широкую водную гладь. Вот тут-то и был бы лучший снимок! Иртышский простор, пойма, мягкое закатное солнце – и профиль поэта, присевшего на парапет... Я щёлкнула – но, увы, кончилась плёнка! А в памяти этот «снимок» так ярок и чётко, как будто был на самом деле...

Поклониться Высоцкому

Когда несколько лет назад в школьные каникулы мы с младшим сыном поехали в Москву, в один из первых дней решили ходить на Ваганьковское кладбище, поклониться великим и дорогим именам. Время было послеобеденное, на небе бродили тучи, грозя пролиться очередным дождём, которые в то лето заливали российскую столицу. Мы положили букетик цветов от павлодарцев Анастасии Ивановне Цветаевой, прошли к памятнику Есенину. Потом вернулись на главную аллею, надеясь, что

сами найдём место, где похоронен Владимир Высоцкий, но заходили всё дальше и дальше... Пришлось спросить, и оказалось, что могила Высоцкого – у самого входа, мы её не заметили, устремившись вглубь. Уже накрапывал дождь, мы положили цветы Высоцкому и рядом лежащему Листьеву, и тут хлынул настоящий ливень! Спрятавшись под крышей крылечка часовни, которая рядом со входом на Ваганьково, мы смотрели, как бегут по лужам к выходу редкие посетители, и вдруг от входа кладбища к оградке памятника Высоцкому подбежали юноша и девушка. Они были босиком, держали обувь в руках и, замерев, встали под проливным дождём, в пузырящейся огромной луже. Я быстро достала фотоаппарат, но – снимок сделать не успела. Парень с девушкой, низко поклонившись, побежали к выходу. В кадре остался только памятник спеленутого поэта с гитарой за спиной и полная оградка ярко-красных цветов, словно оживших от дождя.

Переделкинский дождь

Этот небольшой дачный посёлок под Москвой давно стал явлением литературной жизни. Каждый улица, каждый дом, каждая тропинка – история. Дома-музеи, где жили Борис Пастернак, Корней Чуковский, Булат Окуджава, дачи Федина, Фадеева, нашего земляка Всеволода Иванова, современных писателей и поэтов – Евтушенко, Вознесенского, Ахмадулиной... В Переделкино шёл дождь – летний мелкий тёплый дождь, и на иголках огромных сосен, и на листьях клёнов и берёз висели мельчайшие серебряные капли. Улицы были совершенно пусты. Мы шли по аллее, ведущей к Дому-музею Пастернака, представляя, как поэт каждый день гулял здесь, дышал этим воздухом, видел эти поля, дома, деревья... Казалось, вот-вот, и выйдет Борис Леонидович из

калитки в своём известном дождевике и сапогах... Листья клёнов были точно покрыты тончайшей серебряной плёнкой, таким необычным был предвечерний свет. Снимок, в общем-то, получился – пустынная аллея, мокрый асфальт, калитка Пастернака. Но нет, нет этого серебра, этой свежести, этого ожидания чуда, нет Поэта...

Никогда не возвращайтесь...

В прошлом году мы с младшим сыном Павлом были в Новосибирске, и я решила показать ему места, где родилась и выросла. Это окраина двухмиллионного города, как сейчас говорят, «частный сектор». А в детстве наша улица Коломенская была для нас центром Земли! Я бываю здесь почти каждый год, но каждый раз удивляюсь, какой же маленькой и узкой стала почему-то наша улица. А ведь сколько времени требовалось в детстве, чтобы пройти её из конца в конец, а какими огромными казались раньше эти скромные одноэтажные дома... И мой родительский дом был таким же, как все – с палисадником, с тремя окнами на улицу, ранетками под окном. Но чем ближе мы подходили к этому месту, тем отчётливее я понимала, что дома уже нет. Вернее, он ещё был, но был внутри большого особняка – как под колпаком. Видно, хозяева оставили его на зиму, пока строится новый.

Ну вот, успела, показала сыну наш бревенчатый старый дом, правда, через оконные проёмы чужого, кирпичного... В голове звучали строчки Геннадия Шпаликова:

*По несчастью или к счастью
Истина проста –
Никогда не возвращайтесь
В старые места.
Даже если пепелище
Выглядит вполне,*

*Не найти того, что ищешь
Ни тебе, ни мне...*

Фотографировать я не стала. Пусть наш дом останется в памяти таким, каким был много лет назад — с яркими синими наличниками, цветущими ранетками за зелёным забором, уютным двором, где мы с сестрой ещё маленькие, отец живой и здоровый, а мама молодая и красивая...

Содержание

КОЛОДЕЦ ПАМЯТИ	3
Апрель	3
У ночного окна	3
Отчий дом	4
Белые мухи	5
Зелёная чашка, красные ботинки	6
«Открытия» и вопросы	7
Цветок для мамы	8
Уроки рисования	10
Патриоты	11
Отмороженные уши и «отмороженные» глаза	13
Греческая бабушка	15
Комната без окон	16
Мы, чубаровские...	17
Несчастный случай	19
Дорога	20
ОГОРОДНЫЕ ЭТЮДЫ	21
Редька цветёт	21
Запах чеснока	22
О природе творчества	23
Помидор на подоконнике	24
Мать-луковица	25

ПОСТИЖЕНИЕ ИСТИН	27
На границе	27
«Знаю, спасение наше – в любви...»	28
Природы лик	29
Рюкзак яблок	30
Мы никогда не умрём	32
НЕСНЯТЫЕ КАДРЫ	34
Хана	34
Несущая праздник	34
В тени монумента	35
Миг бытия	35
В обнимку с дворнягой	36
На фоне Иртыша	37
Поклониться Высоцкому	37
Переделкинский дождь	38
Никогда не возвращайтесь...	39

Ольга Григорьева

**ЗЕЛЁНАЯ ЧАШКА,
КРАСНЫЕ БОТИНКИ**

Эссе

Компьютерная верстка: А. Вус

Фотографии из личного архива О. Григорьевой

Формат 41,5x59/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 2,75
Тираж 300 экз. Заказ № 3К. Отпечатано в ТОО «Дом печати».
140000, г. Павлодар, ул. Ленина, 143. Тел.: 8 (7182) 61-80-40

